

ТЕМА НОМЕРА

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6

EDN: TOBZTK

Роль «третьего сектора» в политической карьере мужчин и женщин в России

Ссылка для цитирования: Бальбот Н. А., Крыштановская О. В. Роль «третьего сектора» в политической карьере мужчин и женщин в России // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 133–154. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6; EDN: TOBZTK.

For citation: Balbot N. A., Kryshchanovskaya O. V. The Role of the “Third Sector” in the Political Careers of Men and Women in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 133–154. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6; EDN: TOBZTK.

SPIN-код: 4454-4845

Бальбот Надежда Александровна¹

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

4454508@gmail.com

SPIN-код: 5881-9789

Крыштановская Ольга Викторовна¹

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

olgakrysht@ya.ru

Аннотация. Гендерная асимметрия в распределении внутри российской политики предполагает наличие «стеклянного потолка», который не позволяет женщинам в полной мере реализовывать свой потенциал. Данная статья посвящена оценке общественно-политической деятельности как социального капитала, который помогает женщинам кооптироваться в систему управления государством и преодолевать внутренние ограничения. В мировой практике общественные негосударственные некоммерческие организации стали рассматриваться как особый сегмент экономики – «третий сектор», он играет все более заметную роль в развитии гражданского общества и оказывает влияние на политическую сферу в России. Целью исследования стала оценка третьего сектора как канала рекрутации во власть. Методом ретроспективного биографического анализа восьмисот успешных действующих политиков и управленцев обоих полов был проведен анализ их инкорпора-

ции в государственную систему, выявлены гендерные различия между политическими траекториями. Наиболее эффективными по структуре оказались всероссийские общественные организации, имеющие разветвленную сеть отделений по всей стране, которая позволяет им накапливать социальный и административный ресурсы и успешно инкорпорировать своих представителей в органы управления государством. Партийный лифт успешно функционирует для обоих полов. Анализ позволяет сделать вывод о том, что третий сектор является каналом рекрутации в политическую систему страны, вертикальная мобильность имеет ряд гендерных различий. Для женщин социальным капиталом, позволяющим совершить вертикальную мобильность, является партийная карьера, опыт работы в системе общественных палат, участие в движении Народный фронт «За Россию», а также в профессиональных и благотворительных НКО. Активность в общественном поле для них является эффективным способом построения политической траектории на любой уровень властной пирамиды. Бизнес-сообщество посредством некоммерческих объединений старается не только быть полезным государству, но и довольно успешно использует их для инкорпорации своих членов в различные ветви власти, однако этот лифт действует в основном для мужчин.

Ключевые слова: третий сектор, некоммерческие организации, политика, гендер, социальные лифты, вертикальная мобильность, канал рекрутации, биографический анализ

Введение

Вопросам гендерной асимметрии в российском политическом поле посвящено немало научных работ, в большинстве из которых сделаны общие выводы о недостаточном представительстве женщин в политических структурах и наличии так называемого «стеклянного потолка», не позволяющего им в полной мере реализовывать свой потенциал [12; 14; 24]. В качестве источников социального капитала, который помогает женщинам кооптироваться в систему государственного управления и преодолевать внутренние ограничения, рассматриваются различные ресурсы. Как правило, это наличие качественного образования, профессиональные достижения, принадлежность к крупному бизнесу или партийным элитам. Данная статья посвящена общественной деятельности и тем возможностям, которые она открывает для женщин, ищущим свой путь в политику.

Наши предыдущие исследования показали, что система рекрутации кадров в истеблишмент пока еще далека от меритократии, когда наверх поднимаются самые талантливые и образованные члены общества. Проблемой является то, что молодежь не видит легитимных путей развития политической карьеры, заменяя это мифами о том, что все решается на основании клиентеллистских и непотических связей, а самому честно добиться успеха в политическом поле невозможно. Здесь мы предпринимаем попытку показать, что бурное развитие «третьего сектора» – общественных некоммерческих организаций разного типа – создает новые социальные лифты и новые возможности для продвижения. Изучение параметров их формирования и функционирования представляется перспективным направлением политической социологии.

Вторая половина прошлого века характеризуется быстрым развитием общественных организаций, которые отличаются особым типом хозяйствования – некоммерческим. Во многих странах негосударственные некоммерческие организации стали рассматриваться как особый сектор экономики. Само понятие «третий сектор» появилось не так давно.

Впервые в научный оборот его ввел в 1973 г. американский экономист Теодор Левитт в своей монографии «Третий сектор: новая тактика общественного взаимодействия» [30]. Согласно его концепции, под первым сектором экономики понимается государственный механизм управления, под вторым – частный бизнес, третий же состоит из негосударственных некоммерческих организаций – НКО, которые создаются внутри гражданского общества. Эти организации могут выполнять множество функций, иметь различные источники финансирования, вести свою деятельность во многих сферах: заниматься благотворительностью, политической активностью, добровольческими инициативами и проч. [31, с. 1151].

Учитывая, что количество людей, охваченных проектами некоммерческого сегмента, неуклонно растет, можно предположить, что этой части социума будет принадлежать все большая роль в развитии российского общества [4].

В целом в мировой практике третий сектор представляет собой сегмент общества с высоким уровнем самоорганизации, объем которого в 2021 г. в мире составил 10 млн организаций, в то время как в 2000 г. их было всего 1,35 млн [28]. Столь быстрый рост вынуждает научное сообщество фокусировать свое внимание на этих процессах, повышает актуальность изучения этого относительно нового явления.

Развитие и эффективное функционирование гражданского общества обусловлено наличием независимых от государства политических и общественных организаций, которые обладают возможностью эффективного сотрудничества со всеми ветвями власти [29, с. 225]. Для гражданского общества ценны те общественные институты, которые формируются «снизу», самими гражданами или их сообществами. Открытость и проницаемость границ между политической системой и гражданским обществом позитивно влияет на обе стороны взаимодействия.

Т. Е. Ворожейкина отмечает, что в условиях, когда экономическое развитие порождает все новые разрывы и углубляет социальную поляризацию, отсутствие эффективных каналов политического представительства способствует распространению антисоциальных, и даже криминальных стратегий индивидуального выживания [2, с. 22]. В связи с этим изучение общественных каналов социальной мобильности в политическую сферу представляется нам весьма актуальным.

Степень изученности проблемы

В научной литературе понятие «третий сектор» зачастую употребляется как синоним некоммерческого сектора, либо в него включается гораздо более широкий круг организаций. Это связано с разнообразием

теоретических концепций, используемых при определении данного понятия. Теория «предложения» (*supply side theory*) связывает возникновение организаций третьего сектора с необходимостью производить специфические блага и услуги, в которых нуждается социум, в то время как государственные институты имеют ограниченные возможности для производства подобных благ. Некоммерческие организации возникают с целью удовлетворить этот спрос [32]. Основной упор этого подхода сосредоточен на организациях благотворительного профиля и не учитывает ряд некоммерческих организаций, которые отличаются по формам собственности и управления. Теория социального происхождения (*social origin theory*) рассматривает некоммерческий сектор как часть социальной системы государства, отводя ей роль в решении социально значимых проблем в зависимости от той или иной модели государства благосостояния. Государство берет на себя большую часть расходов на социальное обеспечение своих граждан. Увеличение таких расходов, связанное с повышением уровня экономического развития, индустриализацией и расширением социальных прав стимулирует развитие рынка социальных услуг. Результатом таких трансформаций оказывается задействование некоммерческих организаций в системе социального обеспечения, третий сектор становится производным государственной системы [33]. Некоммерческие организации более эффективны в организации волонтерской деятельности, они способны более оперативно справляться с определенными проблемами и потому становятся востребованными. Однако, множество организаций образуют сложную конкурентную рыночную среду, состоящую из коммерческих, общественных и государственных производителей услуг, часть из которых имеет гибридную структуру, то есть обладают характеристиками нескольких секторов. Проанализировав широкий круг подходов к изучению понятия, А. Пряжникова пришла к выводу, что более адекватными представляются подходы к поиску определения данного сектора, в которых используется более широкий спектр дополнительных характеристик и критериев [17].

В исследованиях российских ученых наиболее развернутое определение третьего сектора в своей работе приводят Л. И. Якобсон и С. В. Санович, по их мнению, это «совокупность ячеек сотрудничества людей», характеризующихся регулярностью и организованностью работы. Кроме того, организация может быть отнесена к третьему сектору если она отвечает ряду критериев:

- Определенные и стабильные цели функционирования, относительно стабильный состав участников.
- Альтруистические цели создания организации.
- Отсутствие нацеленности на получение прибыли или применение политической власти.
- Обособленность от бизнеса и государства.
- Добровольный характер открытия или прекращения работы [26].

Г. Г. Дилигенский разделил российские общественные организации и движения на две группы. Проблемно-ориентированные содействуют решению конкретных общественных проблем, к ним относятся правозащитные, экологические, потребительские, действующие в рамках определенных секторов экономической и социальной жизни общества, отстаивающие права индивидов или определенных категорий населения. Структурно-гражданские обеспечивают демократический характер политических отношений, диалог между властью и обществом, образуют основу политической и социальной демократии. К ним относятся политические партии, профсоюзы, предпринимательские организации и т. п. Их функции реализуются наиболее полно, когда они проявляют способность мобилизовать во имя определенных масштабных целей общественную и политическую активность широких масс граждан и могут добиваться значимых политических и социальных перемен [5, с. 18].

Важным представляется то, что часть таких организаций создается исключительно обществом, часть при участии государства для поддержки общественных инициатив. Так, Е. Я. Грегора выделяет в структуре общественного сектора по принципу финансирования три подсектора: государственный (финансирование из государственного бюджета), добровольно-общественный (финансирование за счет добровольных взносов и благотворительной помощи) и смешанный [4].

Изучению третьего сектора и механизмов его взаимодействия с государством в научной литературе посвящены работы таких ученых, как Ф. М. Бородкин [1], К. В. Петренко [16], Н. А. Скобелина [18], но большинство из них направлено на изучение правовых форм, различных сфер деятельности, проблем финансирования и эффективности работы негосударственных и некоммерческих организаций.

Существует ряд исследований, посвященных особенностям инкорпорации в государственную систему из второго сектора экономики – бизнеса. Этой теме посвящены работы Д. Б. Тева [22], В. А. Смирнова [19], А. В. Дуки [6].

Отдельные виды общественных организаций как социальные лифты для молодежи в политику рассматривались в работах К. А. Черкесса [23], А. А. Зеленина [9], М. А. Юшина [25], И. Ю. Калмыковой [10] и др., в частности хорошо изучена роль таких институтов, как молодежные парламенты. К примеру, Ю. М. Головкин приходит к выводу, что имеет место встраивание в политическую систему молодежных общественных и политических организаций, а наиболее активным способом рекрутирования молодежи в элитно-управленческие структуры являются выборы в местные органы представительной власти [3].

В целом третий сектор экономики как отдельный институт практически не исследовался российскими учеными в качестве канала рекрутации кадров в политическую систему страны. Довольно мало работ посвящено гендерным особенностям функционирования данного института как канала вертикальной мобильности в органы управления государством. Общественные движения и гражданские инициативы также не рассматри-

ваются большей частью населения в качестве эффективного способа влияния на власть и не выступают в качестве «социального лифта», так как общественно-политическая активность не несет в представлении граждан никаких материальных выгод [15, с. 63]. Совокупность этих факторов повышает актуальность исследования роли «третьего сектора» в формировании системы управления государством. Для понимания масштабов и институциональных основ, рассмотрим основные признаки данной совокупности.

НКО в России и их типы

В России на законодательном уровне началом государственного регулирования этой сферы можно считать принятие в 1995 г. Федерального закона № 82–ФЗ «Об общественных объединениях» и в 1996 г. – Федерального закона № 7–ФЗ «О некоммерческих организациях»¹, а также рядом других нормативно-правовых актов² (НПА).

Следующим этапом консолидации гражданского общества стало создание государством в 2005 г. Общественной палаты РФ в качестве партнерского механизма, предоставляющего организациям функцию общественного контроля и согласования интересов общества и государства³. Основная идея ее создания была в том, чтобы приблизить граждан к процессу принятия властных решений через особый институт функционального представительства интересов различных социальных групп. За относительно короткое время Общественная палата РФ заняла свое место в социально-политической системе страны [8]. Стоит отметить, что по всей стране действуют и развиваются как общественные институты влияния граждан на власть региональные общественные палаты. Начиная с 2013 г. в состав Общественной палаты России входят представители общественных палат субъектов Российской Федерации.

Действующее российское законодательство подразделяет некоммерческие неправительственные организации в зависимости от их организационно-правовой формы на: общественные и религиозные организации (объединения), общины коренных малочисленных народов Российской Федерации, казачьи общества, фонды, государственную корпорацию, госу-

¹ Закон РФ «Об общественных объединениях» (1995 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/?ysclid=lpuzq94ka965423339 (дата обращения: 04.12.2024); Закон РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8212> (дата обращения: 04.12.2024).

² Закон РФ «О некоммерческих организациях» (1995 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8742> (дата обращения: 04.12.2024); Закон РФ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (1995 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8019> (дата обращения: 04.12.2024); ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8739> (дата обращения: 04.12.2024).

³ Федеральный закон от 04.04.2005 N 32-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об Общественной палате Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/f172539c9dd0ac1e82d7e2e08686fbf31f6cff18/ (дата обращения: 04.12.2024).

дарственную компанию, некоммерческие партнерства, частные учреждения, автономные некоммерческие организации, объединения юридических лиц (ассоциации и союзы).¹

В свою очередь, организации, относящиеся к общественным объединениям, согласно ст. 7 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», подразделяются на общественные организации, общественные движения, общественные фонды, общественные учреждения, органы общественной самодеятельности и политические партии².

Таким образом, в России «третий сектор» объединяет в себе множество организаций с принципиально разными целями и задачами, которые можно структурировать, исходя из общих признаков и функций. При всей широте подходов к определению понятия «третьего сектора», в научной литературе оно часто употребляется как аналог некоммерческого сектора, куда относятся все некоммерческие организации (НКО), неправительственные организации (НПО), негосударственные организации (НГО). Российское законодательство относит к данному сектору общественные организации, подходящие под определение, данное в № 7-ФЗ от 12.01.1996 «О некоммерческих организациях»: «организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками». Таким образом, сюда попадают политические партии и государственные организации, при условии, что их основная деятельность не подразумевает получение прибыли.

В последнее десятилетие наблюдается рост числа как законодательных инициатив и государственного регулирования деятельности таких организаций, так и объема самого третьего сектора. Основным направлением деятельности большей части некоммерческих организаций является **социальная сфера**. Данная сфера относится к ведению государства, которое стало активно привлекать в качестве партнеров для осуществления некоторых функций негосударственные некоммерческие организации.

Гражданское общество начало все более заметно проявлять инициативу в сфере реализации и защиты прав слабо защищенных слоев населения, в экологической, культурной, политической и других областях. Наблюдается тенденция, когда органы государственной власти делегируют представителям третьего сектора часть работы самого государства, взамен на финансовую и другие виды поддержки, вырабатывается механизм взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Происходит кооперация между первым и третьим секторами экономики.

Для того чтобы в рамках НКО выделить те организации, которые создаются для реализации именно некоммерческих проектов, с 2010 г. государством в законодательство была введена новая категория – социально ориентированные НКО (СОНКО), доля которых неуклонно росла.

¹ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 г. №7-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/?ysclid=m4ju7vd0v7708200618 (дата обращения: 04.12.2024).

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930. С. 3727–3751.

По данным Росстата, количество некоммерческих организаций с социальной ориентацией возросло с 2011 по 2018 г. на 41 тыс. и к 2019 г. составило 140 тыс. СОНКО¹.

В свою очередь, вопросы финансовой обеспеченности и устойчивости НКО также являются предметом научного исследования и анализа. Как отмечает А. В. Тарасенко, тесная взаимосвязь общественных организаций с органами власти привела к необходимости обозначить такие организации новым понятием «ГОНГО» (GONGO – *government organized nongovernmental organizations*), введенным Дж. Костон в 1998 г. [27]. Научная дискуссия относительно оценки влияния политики государства в отношении некоммерческих организаций свидетельствует о многогранности феномена третьего сектора, а российская специфика показывает, что эмпирические наблюдения не всегда вписываются в концепции, разработанные на материале западных стран [21, с. 20].

В данной работе под «третьим сектором» будет пониматься вся совокупность некоммерческих общественных организаций, включая ГОНГО и политические партии. Это позволяет рассмотреть систему общественных организаций и взаимосвязей в более широком поле, а также соответствует российской законодательной модели. Именно такой подход позволит в полной мере оценить ресурс общественного сектора как канала рекрутации кадров в политическую систему.

Активное государственное регулирование, а также финансирование сферы третьего сектора не могло не отразиться на динамике его развития. С одной стороны, стали создаваться и расти крупные сетевые общественные структуры. Рассмотрим их на конкретных примерах.

Общероссийское общественное движение «Народный фронт “За Россию”» (ОНФ) было создано по инициативе президента РФ в 2011 г., но в соответствии с Уставом, является массовым общественным объединением, созданным по инициативе граждан и является некоммерческой организацией, данные об учредителях отсутствуют в открытом доступе. Среди основных целей заявлены: вовлечение граждан, организаций и институтов гражданского общества в постоянную совместную работу по определению приоритетов развития России, содействие расширению возможностей народовластия, реальному участию всех активных и неравнодушных граждан в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления. Движение может создавать свои филиалы и открывать региональные и местные представительства². Организация не декларирует политических целей, в Уставе заявлен общественный характер формирования, однако учитывая инициативу создания, исходящую от главы государства, можно предполагать государственную поддержку общественного движения.

Среди волонтерских движений одним из крупнейших является созданная в 2013 г. активисткой Яной Лантратовой всероссийская общественная организация «Союз добровольцев России», являющаяся общественным

¹ Российский статистический ежегодник – 2018. М.: Росстат, 2019. 694 с.

² См.: <https://onf.ru/about/document> (дата обращения: 04.12.2024).

объединением граждан и организаций с целью защиты прав и свобод граждан и взаимопомощи. Организация представлена в 84 регионах страны¹. Всероссийское общественное движение «Матери России», созданное в феврале 2012 г. сенатором Валентиной Петренко, на сегодняшний день объединяет более 700 общественных организаций, работающих в сфере семьи, материнства и детства, его региональные отделения открыты во всех субъектах России². «Деловая Россия» – общероссийская общественная организация, объединившая более 7 тысяч предпринимателей со всей страны³. Эти примеры можно было бы продолжать, но везде мы видим, что НКО становятся ступенью политической карьеры для многих женщин, и со временем это становится устойчивым трендом.

С другой стороны, сложности с поиском финансирования, изменения в законодательстве и другие факторы, создающие конкуренцию в сегменте третьего сектора, приводили к банкротству и ликвидации ряда общественных организаций. Общие тенденции развития общественного сектора хорошо видны на данных по динамике зарегистрированных и ликвидированных НКО за период 2002 – 2021 гг.⁴

В последние годы наметилась тенденция к небольшому уменьшению объема третьего сектора, что, в частности, отражено в Докладе Общественной Палаты РФ за 2018 г.⁵

Таким образом, на сегодняшний день мы видим широкий спектр общественных организаций, составляющих основной пул представителей третьего сектора России, а также ряд тенденций и факторов, отражающих сложность и многогранность научных подходов к изучению данного сегмента.

Методология исследования

Так возможна ли вертикальная социальная мобильность представителей третьего сектора в систему государственного управления? И существуют ли гендерные различия между политическими карьерами мужчин и женщин?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, мы изучили биографии успешных политиков разных уровней и ветвей власти и составили рейтинг общественных организаций, которые в последние годы стали основными поставщиками кадров в истеблишмент.

Такой ретроспективный анализ биографий людей, которые занимают высокие государственные должности, дает возможность социологам увидеть реальные каналы вертикальной мобильности. В соответствии с тео-

¹ См.: <https://souzdobro.ru/documents/> (дата обращения: 04.12.2024).

² См.: <https://materirossii.ru/about/> (дата обращения: 04.12.2024).

³ См.: <https://deloros.ru/o-nas/> (дата обращения: 04.12.2024).

⁴ См.: <https://atlas-nko.ru/analytics?ysclid=lpeg6jtsfu115699663> (дата обращения: 04.12.2024).

⁵ См.: <https://report2018.oprf.ru/ru/3.php> (дата обращения: 04.12.2024).

рией социальной стратификации П. Сорокина с помощью таких каналов государство отбирает претендентов, обладающих способностями и знаниями, необходимыми для выполнения стоящих перед государством актуальных функций и задач [20, с. 194]. *Особенностью этого канала рекрутирования является то, что индивиды должны проходить отбор не на основании обладания специфическими профессиональными, образовательными навыками или достижениями, а благодаря участию в различных общественно-политических объединениях.* Это обуславливает необходимость учитывать при анализе карьерных траекторий политиков их непосредственное участие в добровольной общественной активности, которая в данном случае рассматривается как отдельный фактор, оказывающий влияние на формирование политической элиты.

В ходе авторского исследования мы использовали ретроспективный биографический анализ. Было отобрано 800 представителей политического истеблишмента. В выборку федерального уровня вошли 300 политиков, 145 из которых – это представители исполнительной власти, а 155 – законодательной (депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ седьмого созыва). На региональном уровне были проанализированы 400 биографий представителей восьми федеральных округов РФ, из которых 173 политика – первые лица и их заместители в правительствах, администрациях и министерствах регионов, 227 политиков – депутаты в региональных законодательных собраниях. Муниципальный уровень представлен главами городов и муниципальных образований (100 чел.). Выборка сформирована по состоянию на 1 января 2023 г., вся биографическая информация была собрана из открытых официальных источников, таких как официальные сайты соответствующих федеральных органов государственной власти, а также региональных министерств, ведомств, легислатур и др.

На последующих этапах полученные данные были формализованы, закодированы и введены в специально созданную базу данных. Биографии были кодифицированы таким образом, что представляли собой цепочки событий (секвенций), которые затем были подвергнуты секвенционному анализу.

Последовательности событий в биографиях политиков имели несколько слоев: географические перемещения, хронологические цепочки, последовательности переходов из одних статусов в другие. Этот метод позволил нам на статистически значимых объемах выборки проследить корреляции между последующей карьерой и бэкграундом человека, его связи с организациями, людьми (в патронатную сеть которых мог входить человек) или видами деятельности, которые оказали влияние на последующее развитие человека и его достижение элитного статуса.

Реперными точками для секвенционного анализа в данном случае являлись: 1) вход в систему политической власти (далее «вход в Систему») и 2) вход в политическую элиту (что, согласно позиционному подходу, соответствовало занятию высших государственных должностей, которые обычно описываются понятием «истэблишмент»).

Мы обнаружили, что некоторые фрагменты биографических кластеров имели флуктуации, встречаясь значительно чаще других, что позволило нам сделать вывод о том, что они являлись катализаторами процесса карьерного роста. Например, самым значимым фактором такого рода было членство в партии «Единая Россия». Работа в некоторых государственных ведомствах или госкорпорациях (например, МВД или «Газпром») также играли роль драйверов. Проведя статистический анализ биографий 800 чел. мы составили рейтинг таких кластеров, которые мы назвали «социальными лифтами».

Такой подход позволил выявить роль каждого фактора в формировании потоков вертикальной мобильности индивидов и их продвижении внутри государственной системы управления.

Место «третьего сектора» в рейтинге социальных лифтов для обоих полов

По итогам исследования были определены наиболее активно работающие социальные лифты, которые привели действующих политиков на высокие политические должности: образовательные, профессиональные, партийные и общественные (табл. 1). Самым эффективным для обоих полов оказался партийный канал мобильности, когда активное участие в партийной работе помогало в продвижении (58% политиков обнаружили в своих биографиях этот фрагмент); образовательный – образование в престижных вузах и специализированное управленческое образование в РАНХиГС (45,3%), профессиональный – обладание профессиями, которые востребованы в политике и имеют свои профорганизации (39%). Общественный канал социальной мобильности занимает пока лишь четвертое место (22,6%), но имеет тенденцию к быстрому развитию за последнее десятилетие. В данной статье мы попробовали детально проследить роль «третьего сектора» в процессе формирования политической элиты РФ, в том числе в гендерном разрезе. Мы увидели, что особую роль успех на общественном поприще играет в карьере женщин, которые стали политиками.

Таблица 1 (Table 1)

Эффективные лифты для политической карьеры, %*
Effective elevators for political career, %

Основные лифты	Всего
Всего (n = 800 чел.)	100
Партийный (n = 464)	58
Образовательный (n = 362)	45,3
Профессиональный (n = 312)	39
Общественный (n = 181)	22,6
Другие лифты (n = 159)	19,9

Примечание. *Суммарная доля по всем колонкам больше 100%, так как некоторые политики использовали несколько социальных лифтов.

Источник: разработано и составлено авторами по материалам исследования.

Общественно-политическая деятельность

Наиболее эффективным из лифтов оказался **партийный канал** социальной мобильности. Это означает, что более половины изученных представителей истеблишмента имели членство в какой-либо политической партии. Всего в выборке таких оказалось 464 действующих политика (см. табл. 2). В большей степени этот канал касается представителей электократии (избираемой части политического класса), ведь для победы на выборах любого уровня поддержка партии является важным подспорьем для проведения предвыборной кампании и существенным аргументом для избирателей. Чиновникам, напротив, для работы в органах исполнительной власти не обязательно вступать в политическую партию. Однако, как оказалось, при помощи партийного лифта 24,2% политиков поднялись в органы исполнительной власти.

Таблица 2 (Table 2)

Наиболее эффективные политические каналы в политику для разных полов, %*
The most effective political channels into politics for different genders, %

Политические партии	Мужчины (n=401 чел.)	Женщины (n= 63 чел.)
Поднялись по партийным лифтам (n = 464 чел.)	100	100
<i>В том числе в партиях:</i>		
Единая Россия (n = 338)	72,3	76,2
ЛДПР (n = 80)	17,5	15,9
КПРФ (n = 33)	7,2	6,3
Справедливая Россия (n = 24)	5,7	3,1

Примечание. *Суммарная доля по всем колонкам больше 100%, так как некоторые политики состояли в нескольких политических партиях

Источник: разработано и составлено авторами по материалам исследования.

Основным поставщиком кадров в истеблишмент является партия «Единая Россия». Для женщин членство в «партии власти» является более эффективным лифтом в политике, чем для мужчин. Для женщин, инкорпорировавшихся в бюрократию, членство в ЕР является самым мощным драйвером дальнейшего продвижения: 92% женщин-чиновниц, пришедших на работу в органы исполнительной власти, до этого уже были членами правящей партии. В депутатском корпусе девять из десяти женщин, избранных в Федеральное Собрание, имели партийный билет «Единой России». А вот на региональном уровне большинство женщин, напротив, состоят в других политических партиях, что позволяет утверждать: есть «стеклянный потолок» для ЛДПР, КПРФ, СР, НЛ, чьих ресурсов недостаточно для прохождения на федеральный уровень.

Вторым по значимости партийным лифтом оказалась партия ЛДПР. Для успешной инкорпорации в политическую систему страны членство в партии дает дополнительный шанс политикам обоих полов, увеличивающий возможность карьерного роста. Партия, как правило, приводила женщин в региональные парламенты, но не так эффективно, как мужчин.

Остальные парламентские и непарламентские партийные объединения либо серьезно уступают в эффективности первым двум партиям, либо не функционировали как эффективные каналы социальной мобильности на момент проведения анализа.

Роль НКО в политической карьере

Из 800 изученных нами политиков 181 из них (22,6%) использовали общественный канал восходящей мобильности, то есть имели опыт работы в общественных палатах, организациях, фондах, ассоциациях или профсоюзах. Из них большая часть оказалась на федеральном уровне власти, в два раза чаще этим каналом пользуются представители законодательной ветви власти. Таким образом, эффективность общественных лифтов выше всего на верхнем уровне законодательной ветви власти. Участие в общественных объединениях помогает депутатам повышать электоральный потенциал, наращивать социальный капитал и, как следствие, избираться в парламенты.

Таблица 3 (Table 3)

Общественные организации-лифты в гендерном разрезе, %*
Public organizations-lifts in gender breakdown, %

Организации лифты	Всего (n = 181)	Мужчины (n = 155)	Женщины (n = 26)
Поднялись по общественным лифтам (n = 181 чел.)	100	100	100
<i>В том числе в организациях:</i>			
Общероссийский народный фронт	12,7	11,0	23,1
Общественные палаты	7,2	7,1	11,5
Молодежные парламенты	4,9	5,5	3,8
«Молодая гвардия» ЕР	4,4	4,5	3,8

Примечание. *Суммарная доля по всем колонкам не равна 100%, так как рассматриваются только общественные организации с наибольшими показателями.

Источник: разработано и составлено авторами по материалам исследования.

Рассмотрим подробнее (табл. 3) общественные организации, которые лидируют по количеству политиков, успешно инкорпорированных во власть. Наиболее эффективным общественным лифтом по нашим данным стало общероссийское движение народный фронт «За Россию» (ОНФ) – 12,7%, причем для женщин он действует в два раза эффективнее, чем для мужчин. Этот канал ведет, в основном, на федеральный уровень законодательной ветви власти.

Общественные палаты различных уровней являются источником рекрутации кадров в систему управления страной: 7,2% изученных политиков были членами палат региональных субъектов либо Общественной палаты РФ. В гендерном плане для женщин этот канал более эффективен, чем для мужчин, однако ведет на более низкие уровни власти, чем предыду-

щий. Кроме того, в рейтинг попали два крупных общественных института, созданных для молодежи и имеющих отделения в регионах страны. Это молодежные парламенты при представительных органах государственной власти, а также Всероссийская общественная организация «Молодая гвардия “Единой России”» – некоммерческая организация, созданная для вовлечения молодежи в процессы построения демократического, социально справедливого общества и защиты ее интересов¹. В целом, около 10% политиков имели опыт работы в этих общественных институтах, в гендерном разрезе для мужчин они немного более эффективны в качестве каналов вертикальной мобильности. Таким образом, подтверждается вывод Ю. М. Головки о том, что имеет место встраивание в политическую систему молодежных общественных организаций, которые функционируют как общественные лифты для активной молодежи.

Кроме того, нами выявлены крупные организации, объединяющие бизнес-сообщества, которые помогают строить политическую карьеру своим членам. Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России» декларирует такие задачи, как правовая защита, привлечение финансирования, получение государственной поддержки, налаживание деловых контактов внутри предпринимательского сообщества². В общей выборке изученных политиков, которые использовали общественный канал мобильности для продвижения во властные структуры доля членов данной организации составила 2,6%. Сравнима с ней по эффективности инкорпорации рассмотренная выше общероссийская общественная организация «Деловая Россия». Однако, обе структуры лоббировали в политику лишь мужчин.

С меньшей долей присутствия были выявлены победители конкурса «Лидеры России», организатором выступает АНО «Россия – страна возможностей»³. Действительно, как уже было выявлено в исследованиях, конкурс расширяет социальные источники, кооптируемые в органы власти, путем инкорпорации в политическую систему людей, имеющих обширный профессиональный опыт в частном бизнесе, общественных организациях, научных и образовательных учреждениях [13, с. 305].

Наиболее эффективными общественными каналами оказались организации различных видов, однако, лидируют среди них те, которые созданы государством (система общественных палат, в т. ч. молодежных) либо имеют государственную поддержку (ОНФ). Также отличительной особенностью всех институтов в представленном рейтинге является «сетевой» характер структуры – все они имеют разветвленную сеть отделений в большинстве регионов страны. Это позволяет им накапливать социальный капитал и создавать каналы мобильности внутри организации, играющие роль социальных сит.

¹ См.: <https://mger.ru/gvardiya/> (дата обращения: 04.12.2024).

² См.: <http://opora.ru/about/> (дата обращения: 04.12.2024).

³ О создании автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей» [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 22.05.2018 № 251. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71848106/> (дата обращения: 25.02.2023).

Типы общественных лифтов

Для того, чтобы понять, какие организации являются эффективными лифтами, мы сгруппировали их по различным типам: профессиональные, молодежные, спортивные, благотворительные, предпринимательские и т. д. (табл. 4)

Таблица 4 (Table 4)

Эффективность общественных лифтов по типам, %
Efficiency of public elevators by type, %

Типы организации	Всего (n = 181)	Мужчины (n = 155)	Женщины (n = 26)
Поднялись по общественным лифтам (n = 181 чел.)	100	100	100
<i>В том числе в типах организаций:</i>			
Профессиональные	20,4	19,3	26,9
Спортивные	17,1	18,1	11,5
Молодежные	11,6	12,9	3,8
Бизнес	7,2	8,4	0
Социальные	5	3,2	15,4

Примечание. *Суммарная доля по всем колонкам больше 100%, так как в этой таблице рассматриваются лишь некоторые виды общественных организаций-поставщиков кадров в элиту. Некоторые политики числились сразу в нескольких общественных организациях-лифтах политической карьеры.

Источник: разработано и составлено авторами по материалам исследования.

Профессиональные ассоциации

Профессиональные НКО, в которые вошли профсоюзы и организации, представляющие интересы обладателей определенных профессий, оказались наиболее эффективным типом каналов социальной мобильности. Они помогли совершить вертикальный рывок в сферу политики 20,4% своих участников, среди которых наиболее заметными являются организации, представляющие юридическое сообщество, действующие в основном на региональном уровне. Именно посредством такого типа организации продвигается больше женщин (26,9%), в основном в законодательную ветвь власти. Исключение составили сообщества юридического профиля, которые явились лифтом на региональный уровень исполнительной власти. Нашли отражение в этой таблице и молодежные организации, самые эффективные из которых мы рассмотрели выше. Этим каналом пользуются больше активисты мужского пола. Заметную роль играют некоммерческие объединения спортивного профиля, которые помогли продвинуться 17,1% спортсменов во все ветви власти и на все ее уровни. Среди них преобладают мужчины (18,1%), тем не менее 11,5% женщин из выборки, связанных со спортом, также смогли построить карьеру в политике.

Общественные организации социальной направленности, работающие в сфере образования, помогающие инвалидам, занимающиеся поддержкой семей, развитием благотворительности, стали общественным лифтом для 5% действующих политиков. Наиболее успешно продвигаются посредством этого типа каналов женщины (15,3%), именно для них социальные лифты стали вторыми по эффективности продвижения.

Таким образом, активная общественная работа в профессиональных сообществах, а также в некоммерческих организациях, занимающихся социально направленной и благотворительной деятельностью, помогает женщинам успешно кооптироваться в систему государственного управления.

Заключение

«Третий сектор» играет все более заметную роль в развитии российского общества, возрастает его влияние на политическую сферу в России. Этому способствует комплексная институциональная, правовая и бюджетная поддержка со стороны государства.

Наиболее эффективными источниками кадров для политической системы являются всероссийские организации, имеющие разветвленную сеть отделений по всей стране, которая позволяет им накапливать социальный и административный капиталы и успешно инкорпорировать своих представителей в органы управления.

Мощными каналами вертикальной мобильности является политическая партия «Единая Россия», которые в соответствии с теорией М. Дюверже о так называемых «кадровых партиях», объединяет влиятельных персон, имеющих большой административный ресурс [7]. В отличие от других представителей «третьего сектора», политические партии наращивают свое влияние в политике, стремятся к достижению парламентского большинства.

Предпринимательские круги, посредством своих НКО и бизнес-ассоциаций, довольно успешно используют их для делегирования своих членов в различные структуры власти, но эта сфера остается преимущественно мужской. То же можно сказать и о профессиональных лифтах, наиболее эффективно работающих для мужчин.

Наше исследование показало, что именно карьера в «третьем секторе» стала для женщин новым импульсом для прихода в политику. Такие крупные общественные институты как общественные палаты и ОНФ «За Россию» эффективно продвигают женщин на верхние этажи власти. Помогают им продвигаться и сообщества, занимающиеся благотворительностью и социальной работой – традиционными сферами женской активности. Изучая депутатский корпус Центрального федерального округа РФ, Н. Н. Козлова также отмечала, что для избрания в региональный парламент женщины-депутаты опирались на партийную карьеру и общественный активизм в организациях патриотического и социально-благотворитель-

ного характера. А вот специфически женские организации как политический ресурс практически не используются [11]. В нашем исследовании партийный лифт оказался для женщин даже более эффективным способом попасть в политику, чем для мужчин, женщины увереннее используют этот канал для своего продвижения, причем на все уровни и ветви власти.

Безусловно, сложно делать однозначные выводы на основании данных о политиках, успешно занявших высокие позиции в политических институтах, не обладая данными о количестве претендентов, изначально стремившихся попасть в систему управления. Для этого необходимо провести дополнительные исследования (и мы надеемся продолжить эту работу в перспективе). Тем не менее, на основании проведенного исследования мы можем заключить, что «третий сектор» дает женщинам дополнительный шанс занять важные государственные посты. Он стал новым источником успешной карьеры для представительниц «слабого пола». Для женщин активность в общественном («гражданском») поле является новым треком, который, возможно, в скором будущем уменьшит гендерную асимметрию, сложившуюся в нашем обществе.

Библиографический список

1. Бородкин Ф. М. Третий сектор в государстве благоденствия // Мир России. Социология. Этнология. 1997. Т. 6. № 2. С. 67–116.
2. Ворожейкина Т. Е. Государство и общество в России и Латинской Америке // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 5–26.
3. Головки Ю. М. Социальные лифты и кадровые особенности формирования молодежной элиты в России // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 8(86). С. 130–134. EDN: VLDJDR.
4. Грегора Е. Я. Роль третьего сектора в современной экономике // Управленческое консультирование. 2008. № 1. С. 127–135. EDN: JXXBZX.
5. Дилигенский Г. Г. Существует ли в России гражданское общество? // Поговорим о гражданском обществе. М.: Ин-т ФОМ, 2001. 18 с.
6. Дука А. В. Социальная дифференциация и рекрутирование элит // Политический класс в современном обществе / Под ред. Гаман-Голутвина О. В. М.: РОССПЭН, 2012. С. 78–107.
7. Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. Л. А. Зиминной. Изд. 4. М.: Академ. Проект, 2007. 540 с.
8. Евстифеев Р. В. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе управления региона: основные проблемы функционирования и оценки эффективности работы // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 87–100. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8; EDN: YWXKQP.
9. Зеленин А. А. Региональный молодежный парламент как механизм социального лифта в современной российской политике // Вестник Кемеровского госуниверситета. 2012. № 2(50). С. 85–90. EDN: OYQVGN.

10. Калмыкова И. Ю. Формирование социальных лифтов профессионального становления молодежи и роль общественных организаций в достижении эффективного решения проблемы // Ученые записки. 2018. № 2(26). С. 12–16. EDN: XRBBPF.
11. Козлова Н. Н. Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 58–71. DOI: 10.21064/WinRS.2016.4.5; EDN: XDEEIH.
12. Кочкина Е. Политическая система преимуществ для граждан мужского пола в России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. Степанова, Е. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 477–523.
13. Лавров И. А., Крыштановская О. В. Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15. № 2. С. 305. DOI: 10.17072/2218-9173-2023-2-292-310; EDN: EFZRVJ.
14. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Женщина во власти в России: карьерный рост и мотивация // Россия и современный мир. 2010. № 1. С. 53–70. EDN: LKABHF.
15. Пантин В. И. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М.: ИМЭМО РАН, 2004. С. 24–40. EDN: TEVXVL.
16. Петренко К. В. Общественные организации в России // Поле мнений. Дайджест результатов исследований. М., 2001. Вып. 10.
17. Пряжникова О. Н. Третий сектор, социальная экономика, солидарная экономика: подходы к определениям и концептуализации понятий // Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 3(51). С. 15–26. DOI: 10.31249/espr/2022.03.01; EDN: PSMLED.
18. Скобелина Н. А. Механизм взаимодействия государства и гражданского общества: Региональный аспект. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Skobelina_RAPN.pdf (дата обращения: 25.11.2023).
19. Смирнов В. А. Бизнес-сообщество как бассейн рекрутирования политической элиты постсоветской Литвы // Сравнительная политика. 2013. Т. 4. № 3. С. 119–127. EDN: RTZSMX.
20. Сорокин П. А. Социальная мобильность М.: Academia, 2005. 194 с.
21. Тарасенко А. В. Концепты третьего сектора и гражданского общества в контексте теорий демократии, управления и экономического развития: Препринт М-36/14. СПб.: ЕУ в СПб., 2014. 32 с.
22. Тев Д. Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб.: Интерсоцис, 2018. С. 54–86. DOI: 10.31119/re.2018.5.3; EDN: VRGOYT.

23. Черкесс К. А. Роль молодежных НКО в формировании и развитии социальных лифтов в современной России // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 11. С. 45–50. DOI: 10.24158/spp.2020.11.8; EDN: NLMQEN.

24. Шепелева Ю. Л. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2016. № 3. С. 240–245. EDN: WTPUQR.

25. Юшин М. Молодежный парламентаризм и формирование гражданской идентичности // *Обозреватель*. 2007. №. 7. С. 26–35. EDN: KZPXTR.

26. Якобсон Л. И., Санович С. В. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 21–34. EDN: KNHDZL.

27. Coston J. A Model and Typology of Government-NGO Relations // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1998. Vol. 27. No. 3. P. 358–382.

28. Caysey J. Comparing Nonprofit Sectors Around the World. What Do We Know and How Do We Know It? // *Journal of Nonprofit Education and Leadership*. 2016. Vol. 6. No. 3. P. 187–223. DOI: 10.18666/JNEL-2016-V6-I3-7583.

29. *Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals*, Gellner Ernest. London; Toronto: Hamish Hamilton/Penguin, 1994. 225 p. DOI: 10.1017/S0829320100004774.

30. Levitt T. *The third sector: New tactics for a responsive society*. N. Y.: AMACOM, 1973.

31. *Gidron B. Third Sector* // *International Encyclopedia of Civil Society* / Ed. by H. K. Anheier, S. Toepler. 1st ed. N. Y.: Springer, 2010. P. 1151.

32. Salamon L. M., Anheier H. K. Social Origins of Civil Society: Explaining the Non-profit Sector Cross-nationally // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 1998. Vol. 9. No. 3. P. 213–248. DOI: 10.1023/A:1022058200985.

33. Salamon L. M., Sokolowski S. W., Haddock M. A. Explaining civil society development: A social origins approach, 2017. P. 1–321. EDN: XOILJO.

Статья поступила 18.04.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бальбот Надежда Александровна, аналитик Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр»

Крыштановская Ольга Викторовна, доктор социологических наук, профессор, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр»

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6

The role of the “Third Sector” in the Political Careers of Men and Women in Russia

Nadezhda A. Balbot

RSUH, Moscow, Russia

4454508@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4157-1921

Olga V. Kryshtanovskaya

RSUH, Moscow, Russia

olgakrysht@ya.ru

ORCID: 0000-0001-5278-0940

For citation: Balbot N. A., Kryshtanovskaya O. V. The Role of the “Third Sector” in the Political Careers of Men and Women in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 133–154. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6; EDN: TOBZTK.

Abstract. Gender asymmetry in the distribution within Russian politics suggests the presence of a “glass ceiling” that does not allow women to fully realise their potential. The article is devoted to the assessment of socio-political activity as social capital that helps women to co-opt into the state governance system and overcome internal restrictions. In world practice, public non-governmental non-profit organisations have come to be viewed as a special segment of the economy – the “third sector”. It plays an increasingly significant role in the development of civil society and influences the political sphere in Russia. The purpose of the study was to assess the third sector as a pool of recruitment to power. Using the method of retrospective biographical analysis of eight hundred successful acting politicians and managers of both sexes, an analysis of their incorporation into the state system was carried out, gender differences between political trajectories were identified. The most effective in structure were all-Russian public organisations with an extensive network of branches throughout the country, which allows them to accumulate social and administrative resources and successfully incorporate their representatives into government bodies. The party lift functions successfully for both sexes. The analysis allows us to conclude that the third sector is a pool of recruitment into the country’s political system; vertical mobility has a number of gender differences. For women, the social capital that allows for vertical mobility is a party career, experience in the system of public chambers, participation in the People’s Front “For Russia” movement, as well as in professional and charitable NGOs. For them, activity in the public field is an effective way to build a political trajectory to any level of the power pyramid. The business community, through non-profit associations, tries not only to be useful to the state, but also quite successfully uses them to incorporate its members into various branches of government, but this lift operates mainly for men.

Keywords: third sector, non-profit organizations, politics, gender, social elevators, vertical mobility, recruitment pool, biographical analysis

References

1. Borodkin F. M. Tretij sektor v gosudarstve blagodenstvija [The third sector in the welfare State]. *Mir Rossii. Sociologiya, Etnologiya*, 1997: 6(2): 67–116 (in Russ.).
2. Vorozhejkina T. E. Gosudarstvo i obshhestvo v Rossii i Latinskoj Amerike [State and society in Russia and Latin America]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2001: 6: 22 (in Russ.).
3. Golovko Ju. M. Social elevators and personnel features of the formation of the youth elite in Russia. *Etnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*, 2015: 8(86): 130–134 (in Russ.). EDN: VLDJDR.
4. Gregova E. Ja. Rol' tret'ego sektora v sovremennoj jekonomike [The role of the third sector in the modern economy]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2008: 1: 127–135 (in Russ.). EDN: JXXBZX.
5. Diligenskij G. G. Sushhestvuet li v Rossii grazhdanskoe obshhestvo? [Is there a civil society in Russia?]. In *Pogovorim o grazhdanskom obshhestve* [Let's talk about civil society]. Moscow, In-t FOM, 2001: 18 (in Russ.).
6. Duka A. V. Social'naja differenciacija i rekrutirovanie jelit [Social differentiation and elite recruitment]. *Politicheskij klass v sovremennom obshhestve* [The political class in modern society]. Ed. by Gaman-Golutvina O. V. Moscow, ROSSPAN, 2012: 78–107 (in Russ.).

7. Duverger M. Politicheskie partii [Political parties]. Transl. from Fr. by L. A. Zimina. Moscow, Academ. Proekt, 2007: 540 (in Russ.).
8. Evstifeev R. V. Public Chambers of the Subjects of the Russian Federation in the Regional System of Government: The Main Problems of Functioning and Evaluation of the Efficiency of Work. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie*, 2018: 4: 4: 87–100 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8; EDN: YWXXQP.
9. Zelenin A. A. Regional'nyj molodezhnyj parlament kak mehanizm social'nogo lifta v sovremennoj rossijskoj politike [Local youth parliament as means of social mobility in modern russian politics]. *Vestnik Kemerovskogo gosun-ta*, 2012: 2(50): 85–90 (in Russ.). EDN: OYQVGN.
10. Kalmykova I. Ju. The formation of social elevators for the professional development of youth and the role of public organizations in achieving an effective solution to the problem. *Uchenye zapiski*, 2018: 2(26): 12–16 (in Russ.). EDN: XRBBPF.
11. Kozlova N. N. Deputy corps of the Central Federal District: gender dimension. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, 2016: 4: 58–71 (in Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2016.4.5; EDN: XDEEIH.
12. Kochkina E. The political system of advantages for male citizens in Russia, 1917-2002. In Gender reconstruction of political systems. Ed. by N. Stepanova, E. Kochkina. St. Petersburg, Aleteya, 2004: 477–523 (in Russ.).
13. Lavrov I. A., Kryshchanovskaya O. V. Social mobility and the “Leaders of Russia” competition. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija)*, 2023: 15(2): 292–310 (in Russ.). DOI: 10.17072/2218-9173-2023-2-292-310; EDN: EFZRVJ.
14. Lapina N. Ju., Chirikova A. E. Zhenshhina vo vlasti v Rossii: kar'ernyj rost i motivacija [A woman in power in Russia: career growth and motivation]. *Rossiya i sovremennyy mir*, 2010: 1: 53–70 (in Russ.). EDN: LKABHF.
15. Pantin V. I. Transformacija nacional'no-civilizacionnoj identichnosti so-vremennogo rossijskogo obshhestva: problemy i perspektivy [Transformation of the national and civilizational identity of modern Russian society: problems and prospects]. In Poisk nacio-nal'no-civilizacionnoj identichnosti i koncept “osobogo puti” v rossijskom massovom soznanii v kontekste modernizacii [Search for national-civilizational identity and the concept of “special way” in the Russian mass consciousness in the context of modernization]. Moscow, IMEMO RAN, 2004: 24–40 (in Russ.). EDN: TEVXVL.
16. Petrenko K. V. Obshhestvennye organizacii v Rossii [Public organizations in Russia]. In Pole mnenij. Dajdzhest rezul'tatov issledovanij [Field of Opinion. Digest of research results]. Moscow, 2001: 10 (in Russ.).
17. Prjazhnikova O. N. Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii*, 2022: 3(51): 15–36 (in Russ.). DOI: 10.31249/espr/2022.03.01; EDN: PSMLED.
18. Skobelina N. A. Mehanizm vzaimodejstvija gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva: Regional'nyj aspekt [Mechanism of interaction between the state and civil society: Regional aspect]. Accessed 10.11.2023. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Skobelina_RAPN.pdf (in Russ.).
19. Smirnov V. A. Biznes-soobshhestvo kak bassejn rekrutirovanija politicheskoj elity postsovetskoj Litvy [Business community as a recruitment pool for the political elite of post-Soviet Lithuania]. *Sravnitel'naja politika*, 2013: 3(13): 119–127 (in Russ.). EDN: RTZSMX.
20. Sorokin P. A. Social'naja mobil'nost' [Social mobility]. Moscow, Academia, 2005: 194 (in Russ.).
21. Tarasenko A. V. Concepts of the third sector and civil society in the context of theories of democracy, governance and economic development: Preprint M-36/14. St. Peterburg, EU v SPb., 2014: 32 (in Russ.).
22. Tev D. B. Business as a source of recruitment of the federal administrative and political elite of Russia. In Power and elites. Vol. 5. Ed. by A. V. Duka. St. Petersburg, Intersocis, 2018: 54–86 (in Russ.). DOI: 10.31119/pe.2018.5.3; EDN: VRGOYT.
23. Cherkess K. A. The role of youth non-profit organizations in the formation and development of social elevators in modern Russia. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*, 2020: 11: 45–50 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2020.11.8; EDN: NLMQEN.
24. Shepeleva Ju. L. Political leadership in the modern Russian society: the gender dimension. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 2016: 3: 240–245 (in Russ.). EDN: WTPUQR.

25. Jushin M. Molodezhnyj parlamentarizm i formirovanie grazhdanskoj identich-nosti [Youth parliamentarism and the formation of civic identity]. *Obozrevatel'*, 2007: 7: 26–35 (in Russ.). EDN: KZPXTR.
26. Jakobson L. I., Sanovich S. V. Smena modelej rossijskogo tret'ego sektora: faza importozameshhenija [Changing models of the Russian third sector: the phase of import substitution]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2009: 4: 21–34 (in Russ.). EDN: KNHDZL.
27. Coston J. A Model and Typology of Government-NGO Relations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 1998: 27: 3: 358–382.
28. Caysey J. Comparing Nonprofit Sectors Around the World. What Do We Know and How Do We Know It? *Journal of Nonprofit Education and Leadership*, 2016: 6: 3: 187–223. DOI: 10.18666/JNEL-2016-V6-I3-7583.
29. Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals, Gellner Ernest, London; Toronto: Hamish Hamilton/Penguin, 1994: 225. DOI: 10.1017/S0829320100004774.
30. Levitt T. The third sector: New tactics for a responsive society. New York: AMACOM, 1973.
31. Gidron B. Third Sector. In International Encyclopedia of Civil Society. Ed. by H. K. Anheier, S. Toepler. 1st ed. New York: Springer, 2010: 1151.
32. Salamon L. M., Anheier H. K. Social Origins of Civil Society: Explaining the Non-profit Sector Cross-nationally. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 1998: 9: 3. DOI: 10.1023/A:1022058200985.
33. Salamon L. M., Sokolowski S. W., Haddock M. A. Explaining civil society development: A social origins approach, 2017: 1–321. EDN: XOILJO.

The article was submitted on: April 18, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Balbot, Analyst of the Scientific Center for Digital Sociology “Yadov Center”
Olga V. Kryshtanovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Scientific Center for Digital Sociology “Yadov Center”